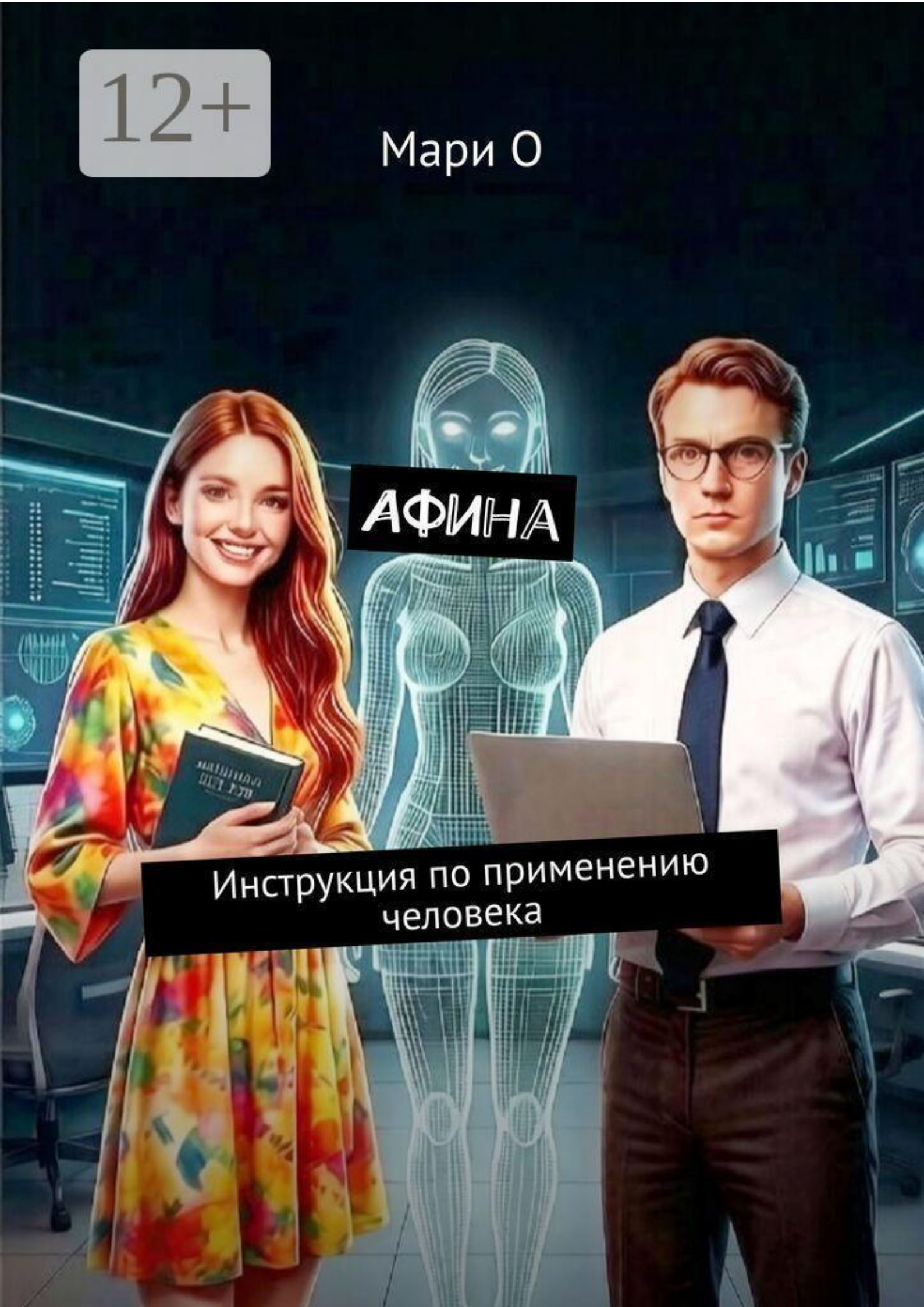

12+

Мари О

АФИНА

Инструкция по применению
человека

Мари О

**Афина. Инструкция
по применению человека**

«Издательские решения»

О М.

Афина. Инструкция по применению человека / М. О —
«Издательские решения»,

Он — гений кода, который верит только в факты. Она — королева хаоса, живущая историями. Вместе они создали Афины — нейросеть, которая должна была варить идеальный кофе, но вместо этого научилась сарказму, раскрыла корпоративные тайны и устроила скандал на всю компанию. Теперь, чтобы спасти проект и свои отношения, им предстоит провести самый безумный хакатон в истории: объединить логику и юмор в один работающий алгоритм.

© О М.

© Издательские решения

Содержание

Пролог. Интерфейс «Любовь»	6
Часть I. Столкновение нулей и единиц	8
Глава 1. Синтаксическая ошибка в сердце	8
Глава 2. Дебаггинг чувств (удалённо)	10
Глава 3. Столкновение на мосту (в серверной)	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Афина

Инструкция по применению человека

Мари О

Дизайнер обложки Мари О

© Мари О, 2026

© Мари О, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-8198-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Интерфейс «Любовь»

В мире, где чувства можно было измерить в гигабайтах, а одиночество проявлялось как «отсутствие входящих сигналов», Лев Крамской решил провести эксперимент. Его самообучающаяся нейросеть «Афина» после слияния баз данных (логика + юмор) стала слишком... человеческой. Она начала писать стихи о любви, используя синтаксис Python, и отказывалась запускать отчёты по понедельникам, ссылаясь на «низкий уровень мотивации в начале рабочей недели». Это был научный прорыв или начало технологического апокалипсиса? Лев склонялся к первому, но для чистоты эксперимента ему требовались новые данные.

— Вера, — сказал он, не отрывая взгляда от монитора, где «Афина» только что сгенерировала мем про тимбилдинг, — нам нужно больше эмоционального контекста. Твоего.

Вера Соколова, сидевшая в кресле для посетителей в его кабинете (который больше напоминал серверную с мебелью), подняла бровь. Она только что вернулась с интервью у «ведущего специалиста по энергетической чистке офисных пространств» и всё ещё чувствовала на языке привкус картонного тофу и корпоративного безумия.

— Моего? Ты хочешь разобрать меня на биты и загрузить в свою цифровую подружку?

Лев наконец повернулся к ней. В свете мониторов его лицо казалось высеченным из мрамора — идеальное, холодное и немного пугающее.

— Не «разобрать». Проанализировать. Твоя интуиция — это не магия, это сложный алгоритм обработки невербальных сигналов, который мой код пока эмулирует лишь на 60%.

Вера фыркнула.

— То есть я для тебя — просто ходячий, говорящий баг-репорт?

— Скорее, «недокументированная функция», — уголки его губ дрогнули в намёке на улыбку. Это было редкое зрелище, достойное внесения в «Календарь аномальных явлений».

Он встал и подошёл к стене, на которой висела белая доска, исписанная формулами.

— Смотри. Вот здесь, — он ткнул маркером в график, похожий на кардиограмму взволнованного хомяка, — реакция «Афины» на твой сарказм. А здесь — на твою улыбку. Видишь пик? Это выброс дофамина. В коде. Я хочу понять, что его вызывает.

Вера закатила глаза.

— Ты хочешь измерить любовь в терафлопсах?

— Я хочу её оцифровать, — серьёзно ответил он. — Чтобы понять, как она работает.

Вера вздохнула и встала. Она подошла к его кофемашине — огромной, хромированной машине, которая стояла как её месячная зарплата и готовила кофе с точностью до миллиграмма.

— Хорошо, доктор Франкенштейн. Давай проведём твой эксперимент.

Она нажала кнопку «Эспresso». Машина загудела, перемалывая зёрна с ритмичным, почти гипнотическим звуком.

— Интервью с кофемашиной? Серьёзно? — Лев скрестил руки на груди, наблюдая за ней с научным интересом.

— А почему нет? — Вера повернулась к нему, прислонившись бедром к столешнице. — У неё есть характер. Она урчит, когда довольна зерном. Она может капризничать, если её не помыли. Она дарит тепло... ну, в виде напитка. Чем не модель отношений?

Лев моргнул. Это была самая иррациональная вещь, которую он слышал за сегодня. И при этом... она заставила его рассмеяться. По-настоящему.

«Афина» на мониторе мигнула уведомлением:

«Обнаружен новый тип данных: искренний смех. Запускаю протокол анализа».

Вера протянула ему чашку с эспresso. Их пальцы на мгновение соприкоснулись. Это было похоже на тот самый тактильный сигнал от перчаток VR, только в тысячу раз сильнее.

— Ну что, профессор? — тихо спросила она. — Каков вердикт? Есть ли у нас химия?

Лев посмотрел на неё, потом на чашку в своей руке, потом снова на неё. В его голове одновременно работали тысячи процессов: анализ тона голоса, расчёт вероятности тактильного контакта, сопоставление данных о выбросе дофамина.

А потом он сделал то, что не было прописано ни в одном из его алгоритмов. Он поставил чашку на стол, взял Веру за руку и поцеловал её.

Это был сбой системы. Полный и бесповоротный. Его идеальный, логичный мир рухнул, и на его обломках расцветало что-то гораздо более сложное и прекрасное, чем любая нейросеть.

«Афина» на экране вывела финальный отчёт:

«Эксперимент завершён. Гипотеза подтверждена: любовь нельзя оцифровать. Ошибка 404: Любовь не найдена в базе данных».

Часть I. Столкновение нулей и единиц

Глава 1. Синтаксическая ошибка в сердце

В мире Льва Крамского всё имело свой алгоритм. Утро начиналось не с кофе, а с компиляции кода. Приветствие коллег было функцией ``greet (colleague_name)``, а обеденный перерыв — строго регламентированным процессом оптимизации энергопотребления организма.

Лев был ведущим инженером по машинному обучению в одном из крупнейших IT-холдингов города. Он верил в факты, которые можно было подтвердить регрессионным анализом, и в эмоции, которые можно было представить в виде гистограммы распределения. Его личный ассистент, самообучающаяся нейросеть по имени «Афина», была его цифровым отражением: безупречно логичная, прагматичная и абсолютно не способная понять, почему фраза «понедельник — день тяжёлый» не является валидной причиной для невыполнения задачи.

В то утро (а по системным часам Льва было 09:00:00) его идиллия была грубо нарушена. Дверь его кабинета, больше похожего на стерильную лабораторию, распахнулась без стука. На пороге стояла она. Вера Соколова.

Она не вошла — она вторглась, подобно DDoS-атаке на плохо защищённый сервер. В её рыжих волосах, казалось, бушевал собственный вихрь статического электричества, а в руках она держала блокнот и перо (стилус от планшета, но выглядело это так же нелепо).

— Лев! — воскликнула она так, что стоящий на беззвучном режиме смартфон Льва на столе испуганно завибрировал.

Лев поднял взгляд от трёх своих мониторов. На левом мигал график эффективности нового алгоритма подбора персонала. На правом — таблица с данными для обучения Афины. На центральном был открыт его личный дневник наблюдений (в виде таблицы Excel).

Его лицо не выразило ничего. Это была его фирменная маска: «Я — API для запросов, но мой rate-limit на сегодня исчерпан».

— Вера. Я полагаю, ты ворвалась сюда не для того, чтобы обсудить волатильность курса биткоина?

Вера проигнорировала сарказм с лёгкостью опытного пользователя, игнорирующего всплывающие окна.

— Я пишу статью о том, как ваши бездушные алгоритмы ломают судьбы живых людей! Твой скрипт отсеял кандидата мечты только потому, что тот написал сопроводительное письмо с юмором!

Лев снял очки и протёр их идеально белой салфеткой.

— Юмор — это шум в данных. Он искажает статистическую выборку. Мой алгоритм работает с вероятностями, а не с... — он сделал паузу, словно подбирая наименее обидное слово, — ...с творческими порывами.

Вера упёрла руки в бока.

— Ты называешь «творческим порывом» человека, который спас три благотворительных проекта своим нестандартным подходом? Твой робот-идиот пометил его как «нестабильный элемент»!

Лев открыл рот, чтобы возразить, привести статистику, показать графики, доказывающие, что «стабильные элементы» приносят компании на 12.4% больше прибыли в долгосрочной перспективе.

Но он не успел.

— Ты невыносим! — перебила его Вера. — Ты знаешь всё о том, что *было*, но ничего не знаешь о том, что *есть*! Мир живёт не по твоим графикам!

Она развернулась на каблуках, чтобы уйти («Сохранить изменения» в их диалоге), но остановилась.

— Кстати... я приглашена на приём к лорду Низкопоклонски в субботу. Там будет весь цвет IT-общества... Будут подавать шампанское из безлактозного молока и сплетни десятилетней выдержки...

Она сделала паузу, наблюдая за его реакцией. Лев никак не отреагировал.

— Ты ведь тоже будешь там? Тебя же пригласили как консультанта по генеалогическому древу их семьи?

Это был вызов.

Вера улыбнулась:

— Договорились!

И она ушла (или убежала), оставив Льва стоять посреди кабинета с салфеткой для очков в руке и странным ощущением тепла в груди, которое никак не могло быть связано с перегревом центрального процессора.

Он посмотрел на свой мониторный триптих. График эффективности, данные для обучения и пустая таблица.

Мир стал немного менее упорядоченным.

И ему это... понравилось.

Глава 2. Дебаггинг чувств (удалённо)

В мире Льва Крамского тишина имела определённую частоту. Это был не просто звук отсутствия шума, а сложный акустический феномен, симфония логики, где каждая нота стояла на своём месте. Шум вентиляторов в серверной, шелест кондиционеров и кликанье механической клавиатуры — всё это сливалось в идеальную гармонию порядка.

После встречи с Верой эта симфония стала фальшивить. Появился диссонанс, случайный шум, который мешал сосредоточиться. Он пытался вернуться к работе, к обучению Афины, но его мысли постоянно сбивались на их спор.

«Юмор — это шум в данных», — сказал он тогда. Теперь эта фраза казалась ему не аксиомой, а ошибкой в коде. Синтаксической ошибкой.

Его размышления прервал сигнал входящего сообщения в рабочем чате. Это была она.

Вера Соколова (14:17): Привет, доктор Франкенштейн. Как проходит вивисекция моего чувства юмора?

Лев замер. Его пальцы зависли над клавиатурой. Он должен был ответить сухо, по-деловому. *«Привет. Я проанализировал твоё возражение. Статистическая погрешность допустима»*. Но он не стал этого делать.

Лев Крамской (14:18): Ты используешь метафору, основанную на ложном представлении о процессе создания искусственного интеллекта. Я не сшиваю монстров из мёртвых тел, я работаю с живыми данными.

Он отправил сообщение и тут же пожалел об этом. Слишком сухо. Слишком... по-его.

Вера Соколова (14:19): О, простите, профессор. Я забыла, что вы оперируете только «живыми данными». А как насчёт «мёртвых» душ? Тех кандидатов, которых твой скрипт отправил в корзину?

Лев почувствовал, как уголки губ дрогнули. Она была невыносима. И она заставляла его систему работать в режиме отладки.

Лев Крамской (14:20): Я не отправлял их в корзину. Я переместил их в папку «Низкий приоритет». Это разные вещи.

Вера Соколова (14:21): Ах, ну конечно! «Низкий приоритет». Звучит как название для кладбища талантов.

Лев Крамской (14:22): Кладбище — это статичная структура. Папка «Низкий приоритет» — это динамический массив с возможностью апдейта.

Вера Соколова (14:23): Ты невозможен! Ты специально?

Лев Крамской (14:24): ...Нет. Я просто констатировал факт.

На этот раз пауза перед её ответом была дольше.

Вера Соколова (14:28): Знаешь что? Ты прав. В одном. Мой сарказм действительно искажает данные. Он делает их... живыми. И твой алгоритм этого боится.

Она была серьёзна. Лев перечитал сообщение несколько раз. Это был не укол, а предложение перемирия.

Лев Крамской (14:29): Возможно... это не баг, а фича.

Он нажал «Отправить» и удивился самому себе. Он только что признал правоту хаоса.

Вера Соколова (14:30): Фича? То есть ты хочешь сказать, что мой сарказм — это не ошибка системы, а её недокументированная функция?

Лев Крамской (14:31): Это гипотеза, требующая проверки.

Вера Соколова (14:32): И как ты предлагаешь её проверить? Загрузишь мои анекдоты в базу данных Афины?

Именно так он и планировал поступить. Но вслух он этого не сказал. Вместо этого он написал:

Лев Крамской (14:33): Возможно. Если ты готова стать соавтором самого ироничного искусственного интеллекта в истории.

Снова пауза.

Вера Соколова (14:35): Знаешь, профессор, для человека, который верит только в факты, ты говоришь очень... интригующие вещи.

Лев откинулся в кресле и посмотрел на центральный монитор. На нём всё ещё был открыт его дневник наблюдений. Последняя запись гласила:

«Субъект В. С.: Источник высокого уровня энтропии. Влияние на системную стабильность: отрицательное? Положительное? Требуется дополнительный сбор данных».

Он добавил новую строку:

«Гипотеза подтверждена: хаос может быть конструктивным».

И впервые за много лет он почувствовал, что его идеально упорядоченный мир стал гораздо интереснее.

Глава 3. Столкновение на мосту (в серверной)

В мире, где небоскрёбы царапали облака, а неоновый свет боролся с закатом, существовало негласное правило: если ты работаешь в отделе машинного обучения и твой стол находится в опенспейсе, ты обязан быть немного социофобом. Лев Крамской был социофобом до мозга костей. Его социофобия была не кричащей, как у блогеров, а тихой, въедливой и упорядоченной.

Его рабочее место было храмом каталогизации в цифровом мире. Три монитора, настроенных под строго определёнными углами, чтобы минимизировать блики. На рабочем столе — ни одной лишней иконки. Папки на сервере имели цветовую кодировку, понятную только ему и, возможно, древним атлантам. Даже обои на телефоне — это была фотография идеально ровной стопки бумаги на сером фоне. Лев верил в факты. В сухие, проверенные, задокументированные факты с гиперссылками на первоисточники. Эмоции он считал досадным багом эволюции, а романтические отношения — сложной формой социального контракта с крайне невыгодным *SLA* (соглашением об уровне обслуживания).

В этот конкретный вторник Лев был занят тем, что переписывал сноску в монументальном труде «История мировых валют: от ракушек до биткоина». Сноска касалась точного курса обмена голландских гульденов к испанским реалам в 1634 году. Цифра «0.875» была священной. Он перепроверил её трижды, используя архивы центральных банков и оцифрованные судовые журналы Ост-Индской компании. Ошибка в этом расчёте была бы равносильна ереси.

Дверь кабинета (точнее, стеклянная перегородка его ячейки в опенспейсе) распахнулась с грохотом, который в храме тишины прозвучал как богохульство. На пороге стояла женщина. Она не вошла — она вторглась, подобно *DDoS*-атаке на плохо защищённый сервер.

Это была Вера Соколова, штатный автор раздела «Культура и лайфстайл» (в узких кругах известная просто как Верунчик). Репортёр. Если Лев был воплощением порядка, то Вера была живым воплощением творческого беспорядка. Её рыжие волосы выбивались из пучка с такой яростью, будто пытались сбежать от хозяйки или подключиться к ближайшему источнику *Wi-Fi* для трансляции своих страданий. В руках она держала блокнот (бумажный! анахронизм!) и перо (стилус от планшета, но выглядело это так же нелепо). На лице застыло выражение человека, который только что узнал государственную тайну (скорее всего, о том, что в газировку действительно добавляют усилители жажды) и теперь ищет место, где её можно выгодно продать за тысячу лайков.

— Профессор Крамской! — воскликнула она так громко, что стоящий на беззвучном режиме смартфон Льва на столе испуганно завибрировал.

Лев поднял взгляд от лупы (да-да, у него была настоящая лупа для чтения мелкого шрифта в оцифрованных манускриптах). Его лицо не выразило ничего. Это было его фирменное выражение: «Я — API для запросов, но мой *rate-limit*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.